

16+

Лощина

Труш.Г.С

Труш Григорий Лощина

<https://litres.ru/74368532>

SelfPub; 2026

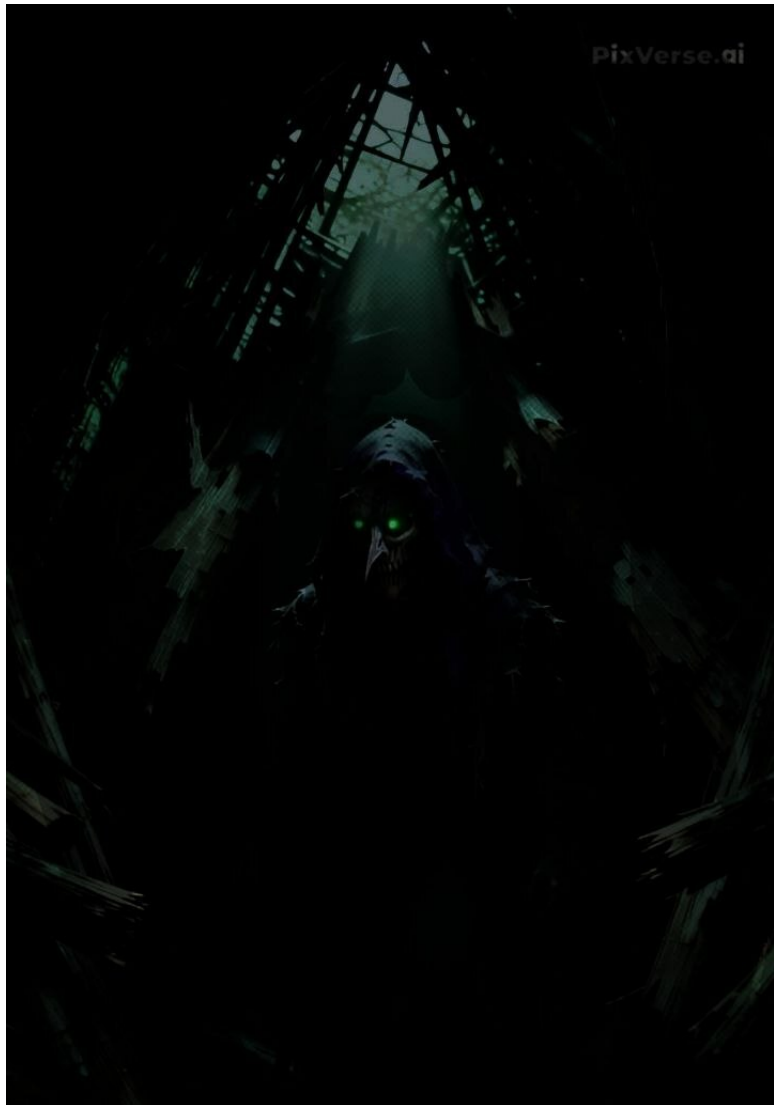
Аннотация

Городок Ремиль — забытое место, где тишина давит сильнее криков. Здесь не ходят в лес, не задерживаются на пустырях, а по воскресеньям взрослые исчезают до утра, возвращаясь с тяжёлыми глазами и плотно сжатыми губами. Дети знают: лучше не спрашивать. Но однажды птицы замолкают. Четырнадцатилетний Генри, увлечённый мистическими историями, решает узнать правду о пропажах. Вместе с друзьями он отправляется в лес, где сталкивается с древним злом, которое ждало своего часа. Лощина — место, где прошлое не умирает. И у него есть голод.

Содержание

Пролог	9
Глава 1. Тишина	11
Глава 2. Видение	21
Глава 3. Корни	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Труш Григорий Лощина



16+

Труш. Г. С

ЛОЩИНА

Лощина

Труш.Г.С

г. Москва, 2026

«Для детей старше 16»

© Труш Григорий Сергеевич, 2026

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспро-

изведена

без письменного разрешения автора.

Оглавление

Пролог 6

Глава 1. Тишина 9

Глава 2. Видение 23

Глава 3. Корни 36

Глава 4. Карл и храм 54

Глава 5. Дождь	73
Глава 6. Завод	87
Глава 7. Возвращение друга	101
Глава 8. Старое поселение	116
Глава 9. Радио	128
Глава 10. Лощина	144
Эпилог	169

Аннотация

Городок Ремиль — забытое место, где тишина давит сильнее криков. Здесь не ходят в лес, не задерживаются на пустырях. Однажды когда птицы замолчали. В лесу проснулось зло.

Книга посвящается:

Моему пропавшему брату, который был не заменимой частью моей души;

Терпеливой женщине, что терпела кляцанья кно-

пок по ночам;

**Младшим сестрам – Лексе и Насте, которые хотели
снять фильм по этой книге;**

И брату Диме, что очень верил в Меня.

Лощина

Пролог

Городок Ремиль стоял в стороне от больших дорог, словно забытый всеми, кроме тех, кто в нём родился. Он был окружён густо заросшим лесом, в котором росли в основном одни ели — высокие, тёмные, плотно прижатые друг к другу, будто они что-то скрывали. Дорог из города было всего две: одна, проложенная для автобуса, который вывозил людей в ближайший городок, и вторая — грунтовая, уходящая через лес к соседнему поселению. Местная погода редко радовала — частые дожди превращали землю в жидкую грязь, а воздух делали сырым и тяжёлым. Большая часть железных конструкций давно покрылась ржавчиной, что уж говорить про детские площадки и скрипучие качели, которые жалобно стонали от каждого дуновения ветра.

Жизнь здесь текла медленно, тягуче, и больше походила на деревенскую: инфраструктура хромала, работы почти не было, и мужчины уезжали вахтами на север, оставляя женщин, стариков и детей дожидаться их среди серых пятиэтажек. Две школы, больница, которую стыдно было так называть, крошечный полицейский участок, ресторанчик при заправке да старый храм — вот и весь Ремиль. Выше шестого этажа домов здесь не строили, и лишь радиовышка да водонапорная башня гордо торчали над городком, как два костлявых пальца, указывающих в серое небо.

Поговаривали, что раньше в лесу работал завод по обработке дерева. Но там произошла авария, и его забросили. Местные не любили вспоминать о нём, а дети, подрастая, обязательно пытались пробраться к руинам — проверяли, правду ли говорят взрослые. Как-то раз один умник, будучи пьяным, сорвался с конструкций и сломал руку. После этого на местном собрании решили поставить забор вдоль леса, чтобы молодёжь не калечилась. Но забор помогал мало — дыры в нём появлялись быстрее, чем их успевали залатывать. Люди всё равно лазили.

Народ в Ремиле был не из болтливых. Вечно хмурые, грубоватые — впрочем, неудивительно: место это мечтой не назовёшь. Взрослые часто запугивали детей — то ли от собственной тревоги, то ли потому что знали больше, чем говорили. Детям внушали: не ходить в лес, не задерживаться на пустырях после заката, не задавать лишних вопросов. А по воскресеньям взрослые куда-то уходили и возвращались только под утро — с тяжёлыми, воспалёнными глазами и плотно сжатыми губами. Дети понимали: лучше не спрашивать.

В Ремиле всегда было спокойно. Слишком спокойно. Пока однажды не замолчали птицы.

Глава 1. Тишина

Это заметил Кэрри. Парнишка лет шестнадцати, с вечно взъерошенными волосами и камерой на шее — подарком родителей на прошлый день рождения. Отец с матерью почти не бывали дома, и Кэрри заполнял одиночество съёмкой: жуков, кузнечиков, пауков, всего, что ползало и летало. Микромир был ему понятнее людского. В нём не было предательства, лжи и пустых обещаний.

— Ого, какой экземпляр! — выдохнул он, наводя объектив на огромного жука, важно перебирающего лапками по коре. Солнечный свет пробивался сквозь кроны, выхватывая изумрудный отблеск на хитиновом панцире.

И в тот же миг сверху, из серого неба, камнем упала птица. Клюв щёлкнул — и жука не стало.

— Ах ты гадина! — крикнул Кэрри, доставая рогатку из заднего кармана, и рванул следом. Сердце забилося быстрее — не столько от злости, сколько от азарта. Он не думал, куда бежит, не замечал, как стволы становятся гуще, как свет гаснет, съедаемый тенью.

Птица мелькнула между стволов и исчезла в чаще. Кэрри перешагнул невидимую черту опушки — и замер.

Тишина.

Не та, что бывает в обычный день, а звенящая, ватная, мёртвая. Птицы умолкли. Ветер стих. Лес замер, будто при-

таился и перестал дышать. Воздух сделался тяжёлым и холодным. Темнота стала сгущаться с каждой секундой, будто кто-то закручивал тьму, как крышку на банке. И вместе с ней из глубины донёсся треск — сухой, частый, словно кто-то переламывал кости.

Кэрри перевёл дыхание и оглянулся назад.

— Этого быть не может, — прошептал он. — Я только пару шагов в лес сделал...

Но позади не было опушки. Не было знакомых деревьев, не было просвета, через который он вошёл. Только лес. Густой, чужой, давящий. Он стоял не на пороге леса — он стоял в самой его глубине. Будто сам лес шагнул ему навстречу и захлопнул за ним дверь.

Мальчик ощутил, как по спине пробежал холодок. Он слышал только собственное дыхание, которое казалось слишком громким в этой ватной тишине.

Он услышал тихий треск позади.

— Кто тут? — спросил он, резко оборачиваясь. Голос дрогнул, сорвался на хрип.

Вдалеке он увидел какое-то движение — смазанное, быстрое, почти неуловимое. Медленно, с опаской, стараясь ступать бесшумно, он подошёл ближе. Он перевёл камеру в режим приближения и увидел овраг. Деревья вокруг него иссыхали на глазах, ломались и с тихим стоном проваливались внутрь. Чёрная пасть зияла между завалами, и в ней угадывался проход — узкая щель, похожая на вход в нору огром-

ного зверя.

Сердце колотилось где-то в горле. Ноги налились тяжестью, отказываясь идти дальше. Кэрри хотел развернуться и бежать, но любопытство и страх боролись в нём. Он вспомнил про ночной режим на камере, включил его и навёл объектив в темноту.

То, что он увидел, пригвоздило его к месту.

Существо. Бледное, как сырое тесто, подрагивающее, будто слегка замерзший человек. Лицо — искажённая маска: длинный нос тянулся вперёд, глаза — огромные, чёрные, пронизанные алыми сосудами, смотрели прямо на него. Улыбка была неестественно широкой, зашитой грубой нитью, и дёргалась судорожно, пытаясь сложиться в приветливый оскал. Буквально в доли секунды он заметил, как дёрнулись его зашитые губы, раскрыв хищную натуру — тонкие, желтоватые, как у глубоководной рыбы, зубы.

— О боже... — прошептал Кэрри. Горло перехватило, воздух стал холодным, как лёд.

Судороги прекратились. Существо замерло. Веки его начали чернеть, а из уголков зашитой улыбки потекло что-то густое, тёмное, похожее на кровь. Шея хрустнула — резко, неестественно, с хрустом, от которого у Кэрри свело желудок. Голова перекосилась, тело начало изламываться, вытягиваться, а челюсть повисла, разорвав швы.

Оно закричало.

Это был не крик человека. Это был звук, от которого за-

кладывает уши, от которого кровь стынет в жилах. Кэрри опустил камеру, развернулся, чтобы бежать, но что-то зацепилось за его бедро — жёсткое, холодное. Он почувствовал боль — острую, режущую. Что-то тёплое и липкое потекло по ноге, пропитывая джинсы. Он посмотрел вниз и увидел, как тварь вцепилась в его бедро, её глаза, широко раскрытые, смотрели прямо на него, а из горла вырывался низкий, чавкающий звук дикой жажды. Она продолжала впиваться, раздирая кожу.

Мальчик вдохнул, чтобы закричать, но существо опередило — его длинные, неестественно тонкие пальцы вцепились в лицо Кэрри, закрывая рот, и рванули его во тьму.

Последнее, что он слышал, — собственный приглушённый крик, утонувший в лесной тишине.

Жители окраин слышали этот крик. Он был коротким, но таким пронзительным, что старушки крестились, а мужчины хватали топоры и фонари. Начались поиски, но они ни к чему не привели. Лес не отдавал своих. На одном из ночных собраний взрослые ужесточили правила: комендантский час с наступлением сумерек, лес — под абсолютный запрет. В воскресенье они ушли снова и вернулись ещё более хмурыми, с глазами, полными усталости и страха.

Прошло четыре года.

За это время пропало восемь человек. Все — как под копирку: ушли и не вернулись. Слухи множились, но город

молчал. Люди боялись говорить вслух, боялись даже думать о том, что скрывается за деревьями. И всё же они оставались. Никто не уезжал. Ведь некуда.

Именно это мучило Генри — парнишку четырнадцати лет, увлечённого всякими мистическими историями. Он читал всё, что мог найти, о проклятых местах, о том, что люди предпочитают не замечать. И чем больше он знал, тем больше вопросов у него возникало.

Он сидел на школьной площадке с друзьями: Евой, Николь и Дэном. Все они были одного возраста — четырнадцать лет, — но казались старше из-за той настороженной серьёзности, которую рано или поздно приносит жизнь в Реми-ле. Солнце клонилось к закату, воздух был тягучим и душным. Где-то вдали скрипели качели, хотя ветра не было.

— Удивительно, почему никто не покинул город? — спросил Генри, глядя в сторону леса. — Восемь человек за четыре года — это не шутка.

— Слушай, в мире пропадают сотни людей каждый день, — пожала плечами Ева. Она пыталась звучать беззаботно, но в голосе сквозила тревога. — И все это понимают.

— Да, это норма, — поддакнула Николь, не отрываясь от телефона. Но её палец застыл над экраном.

— Хорош девчонок пугать, — фыркнул Дэн. — Опять за свои басни взялся?

Генри дёрнул плечом:

— Я просто спросил.

— Ладно тебе, — Дэн хлопнул его по плечу. — Пойдёмте лучше к вышке. Поиграем.

Ева оживилась, но неожиданно предложила:

— А может, на заброшенный завод? Говорят, там ещё с тех времён много чего осталось. Жутко и интересно.

Дэн на секунду напрягся:

— У меня там сестра иногда с друзьями тусуется. Вдруг пристанут? Они же старше нас, начнут цепляться, — он скривился. — Не хочу с ними пересекаться.

— Ну, тогда башня, — легко согласилась Ева. — Тоже неплохо.

— А мы там не разобьёмся? — усомнилась Николь.

— Не лезь, внизу постоишь, за палевым приглядишь, — усмехнулся Дэн. — Генри, ты с нами? Или испугался?

— Разве что за тебя, — огрызнулся Генри.

— Смешно, — с сарказмом произнёс Дэн.

Они поднялись и двинулись вдоль улицы, мимо заросших сухих полей и покосившихся заборов. Чем ближе к лесу, тем тише становилось. Генри первым заметил: птицы смолкли. И листья больше не шелестели. Даже ветер будто передумал дуть.

— Кажется, темнеет, — обратил внимание на небо Генри. — Девчонки, хватит в телефоны смотреть, — сказал он, оглядываясь. — Включите фонари. И где, кстати, Дэн?

— Бу! — раздалось из-за спины.

Генри вздрогнул.

— Ха-ха, смешно, идиот.

— Да ладно, — Дэн ухмыльнулся. — Мы почти пришли. Вон смотри.

Башня вынырнула из тумана, как призрак: ржавая, скрипучая, ошетилившаяся проржавевшими перекладинами. Вокруг неё был низкий забор, кое-где поваленный, будто кто-то пробивал его с силой.

— Ну, кто первый? — Дэн подошёл к забору.

— Давай ты, Генри. Или думаешь, что тебя НЛО похитит?

— Не носи ерунды. Я полезу, — ответил Генри. Он не хотел краснеть перед девчонками за трусость, пока Дэн будет лезть и насмехаться над ним.

Они перелезли через забор. Нижняя часть лестницы отгнила, и ближайшая ступенька висела в двух метрах над землёй, едва держась на одном болте. Дэн пригнулся, сложив руки замком.

— Давай, подсажу.

Генри разбежался, оттолкнулся, подпрыгнул — и вцепился в холодный металл. Ступенька жалобно скрипнула, но выдержала. Он подтянулся, закинул ногу — и в этот момент под его подошвой что-то лопнуло. Он сорвался.

Мир перевернулся. Генри зажмурился, ожидая удара о землю, но чья-то рука вцепилась ему в локоть, дёрнула — и он повис, раскачиваясь на одной руке. Адреналин взорвал сознание.

— Ты как там? — крикнул Дэн снизу.

— Норм, — выдохнул Генри, чувствуя, как дрожат мышцы.

Он подтянулся, нашёл опору и задумчиво оглянулся в сторону Дэна.

— А как вы залезете, если ступеньку сорвало? — спросил Генри.

— Там должна быть верёвка, привязанная к железной петле, — уверенно ответил Дэн. — Просто сбрось её нам.

— Хорошо, — отвернулся Генри и полез дальше.

Через минуту он уже стоял на верхней площадке. Вокруг был только туман: густой, молочный, скрывающий землю. Ржавый бак зловеще поблёскивал в сумеречном свете. Генри нашёл петлю с канатом и начал разматывать.

— Генри! — донёсся голос Дэна. — Сбрось конец, я тоже хочу залезть!

— Сейчас, — откликнулся он и бросил канат вниз.

И тут он услышал звук. Низкий, горловой, похожий на рёв медведя, приглушённый толщей тумана. Генри попятился, спиной упёрся в бак. Ноги тряслись. Он посмотрел вдаль, туда, где из молочной пелены торчали верхушки деревьев. Одну из пик немного трясло и сильно загнуло, из неё росла неестественно длинная, голая ветка и покачивалась.

Но ветра не было.

Генри прищурился, силясь разглядеть. Холодный пот выступил на лбу. Он увидел её. Не ветку. Руку. Человеческую руку, насаженную на сук, как на кол, вытянутую в немой

мольбе. С грязными ногтями и содранной кожей.

— Нет... это не... не может быть...

Он потёр глаза. Едва заметив, что ветка исчезла и как что-то нырнуло в туман.

— Может, всё-таки это была обычная ветка...

И тут он услышал треск. Сучья ломались, и что-то тяжёлое, скользкое приближалось к башне. Звук шёл с леса, подходя к подножью.

Генри вгляделся в туман. Канат, который он сбросил, дёргался.

— Дэн? — крикнул он, но в ответ — тишина.

Он сжался, прижался к баку, не в силах пошевелиться. Из тумана, хватая ртом воздух, вынырнул Дэн. Его лицо было белым.

— Помоги мне!

Генри рванул к нему, втащил на площадку. Вслед за Дэном полезла Ева. Генри ждал, что за ней появится Николь, но лестница опустела.

— А где... где Николь? — спросил он, заикаясь.

— Она осталась внизу, — выдохнул Дэн. — Сказала, что не полезет.

— Ей надо подняться! — закричал Генри. — Немедленно!

— Успокойся, — Дэн схватил его за плечи. — Генри, успокойся!

Но Генри не мог успокоиться. Его взгляд был прикован к

туману вниз.

А потом они услышали крик. Голос Николь. Короткий, оборванный.

— Николь! — заорала Ева, перегнувшись через перила.
— Что случилось?!

Тишина.

А затем — скрежет. Железный, визжащий, будто что-то огромное пыталось вскарабкаться по ржавым перекладинам. Башня задрожала.

— Оно лезет... — прошептал Генри.

Звук стих так же внезапно, как и начался.

Они сидели наверху, прижавшись друг к другу, не смея дышать. Туман клубился внизу, скрывая всё, что могло таиться в нём.

И вдруг — свет. Яркий, белый, ударил снизу.

— Эй! — раздался грубый голос. — Вы там что делаете?!
Какого чёрта вы забыли на башне?! Это вам не детская площадка!

Глава 2. Видение

Той ночью Ремиль не спал. Вернее, спал, но тревожно, как больной в горячке. Детей развели по домам быстро, без лишних расспросов. Родители Дэна были в ярости: домашний арест, без школы, без друзей, без телефона — только стены и совесть. Еву и Генри наказали мягче, но ощутимее: телефоны сдали на неделю, и после уроков — сразу домой. Никаких прогулок, никаких «мы на минутку».

Но наказание оказалось наименьшей из проблем.

Ева проснулась от собственного крика.

Она не сразу поняла, где находится. В ушах всё ещё звенел тот звук — чужой, нечеловеческий, от которого кровь стынет в жилах. Она слышала собственное дыхание, но оно казалось чужим, будто кто-то другой дышал вместо неё.

Только когда мать включила свет, Ева поняла, что сидит на кровати, а не стоит у забора в лесу. Она сидела, вцепившись в одеяло, мокрая от пота. Сердце колотилось так сильно, что рёбра, казалось, треснут. Дышать было трудно — воздух не хотел проходить в лёгкие, застревал где-то в груди.

В комнате было светло, но перед глазами всё ещё стояла та картина. Слишком реальная. Слишком.

Она чувствовала на коже холод тумана, слышала запах мокрой земли, ощущала, как хрустит трава под ногами. Но она была в своей комнате. В кровати. И это не имело смысла.

— Это был сон... — прошептала она в темноту. Голос дрожал. — Просто сон.

Но она не верила собственным словам.

Она закрыла глаза, пытаясь вытолкнуть видение. Оно не уходило. Впиталось в неё, как вода в сухую губку.

Она видела всё глазами Николь.

Николь стояла у забора, смотрела вслед уходящим фигурам. Ева помнила этот момент: как Николь махнула рукой, мол, «не полезу, вы давайте». Как туман сомкнулся за спинами Дэна и Евы, и она осталась одна.

В своём сне Ева чувствовала всё, что чувствовала Николь. Сначала — раздражение. Потом — тревогу. А потом странное, ледяное спокойствие, которое приходит, когда понимаешь, что ты не одна.

Николь не сразу заметила его. Сначала она увидела движение — что-то тёмное мелькнуло между деревьями. Она подумала, что это просто тень. Ветка качнулась. Или зверь.

Но тень двигалась не так, как надо.

Она прищурилась. Силуэт был бледным, почти светящимся в сером тумане. Он не стоял прямо — он висел, сломанно, неестественно, как марионетка, у которой перерезали нитки. Руки свисали, голова была повёрнута под странным углом.

Николь замерла.

Она хотела убедить себя, что ей просто кажется. Что это игра света. Но тишина вокруг стала слишком плотной. Воздух — слишком холодным. Лес будто затаил дыхание.

И тогда она поняла: оно смотрит на неё.

Электрический разряд пробежал по затылку. Горло перехватило. Она хотела закричать, но из груди вырвался только хрип. Единственное, что она успела — рвануться к канату.

Существо оказалось быстрее.

Она даже не услышала его приближения — просто почувствовала, как воздух стал ледяным, и в следующий миг её запястье сжала крепкая, холодная хватка.

Николь дёрнулась, вырвалась, и в борьбе из руки существа что-то выпало — маленький предмет, который глухо ударился о землю и откатился в траву. Камера. Николь узнала её по объективу.

Но разглядывать было некогда. Существо тянуло её сквозь забор. Металл заскрипел, прогнулся, и Николь пронесло сквозь ограду. Боль пронзила плечо — острая, режущая. Крик вырвался наружу.

И от этого крика Ева проснулась.

Она захлёбывалась воздухом, хватая ртом темноту комнаты. В комнату вбежали родители — мать включила свет, отец стоял в дверях, бледный, растерянный.

— Что случилось? — спросила мать, присаживаясь на край кровати. — Тебе приснился кошмар?

— Я видела его, — выдохнула Ева. — Я чувствовала, что она чувствует. Mam, это был не сон. Это было по-настоящему, этот высокий странный человек он опасен.

Мать обняла её, прижимая к себе, гладила по голове:

— Тише, доченька. Это просто сон. Ты переутомилась.

Ева хотела возразить. Хотела сказать, что чувствовала холод, запах, хруст веток. Что она видела не просто сон, а *всё*, что случилось с Николь. Но слова застряли в горле, но ведь никто не знает про Николь.

Она заметила, как мать и отец переглянулись. Этот взгляд длился не больше секунды, но Ева уловила его. В нём был не просто страх. В нём было *узнавание*. Будто они не удивились тому, что она сказала.

— Мам, — спросила Ева тихо, — ты знаешь что-то?

Мать покачала головой. Слишком быстро.

— Нет, доченька. Просто ты перепугала нас. Ложись спать.

Она вышла из комнаты, но на пороге задержалась на мгновение. Ева видела, как мать сжала дверной косяк, будто хотела что-то сказать. Но потом разжала пальцы и ушла, не оглядываясь.

Отец задержался на мгновение, посмотрел на Еву, но ничего не сказал. Потом и он ушёл.

Ева лежала в темноте и смотрела в потолок. Она знала: это был не сон. И родители знали что-то, чего не говорили ей.

Утро наступило серое, тягучее, как недоваренный кисель. Генри сидел за партой, смотрел на доску, но видел только туман. Вчерашний вечер вьелся в память: скрип ржавого металла, крик Николь, оборвавшийся так внезапно, будто кто-то перерезал нитку. И тишина после. Густая, давящая, такая,

в которой тонут звуки.

В школе не было ни Дэна, ни Евы.

— Наказаны, — сухо бросила учительница. — Сидят по домам. Не отвлекайся.

Генри смотрел в окно. Там, на горизонте, чернела тёмная стена леса. Она казалась живой. Она дышала.

Он поднялся с места так резко, что стул грохнулся об пол. Учительница крикнула вслед, но Генри уже выбежал из класса.

Он бежал по мокрому асфальту, перескакивая через лужи. Сердце колотилось где-то в горле, лёгкие горели, но он не сбавлял темпа. Сначала — к Дэну.

Генри влетел во двор знакомого дома, взлетел на крыльцо и забарабанил в дверь.

— Дэн! Открой!

Дверь открылась, но на пороге стояла не Дэн, а его мать — высокая, сухая женщина с жёсткими складками у губ. Она смотрела на Генри так, будто он принёс дурные вести.

— Дэн не выйдет, — сказала она ледяным голосом. — Он наказан. А ты, молодой человек, почему не в школе? — она прищурилась. — Сейчас же позвоню твоим родителям.

Генри попятился.

— Нет, не надо, я уже ухожу!

Он развернулся и рванул с места, не оглядываясь побежал к Еве.

Он влетел в её двор, перемахнул через калитку и заколотил в дверь.

— Ева! Открой! Это я!

Дверь распахнулась почти сразу. Ева стояла на пороге — бледная, растрёпанная, с красными, опухшими глазами. В руках она нервно растягивала рукава кофты в которую была одета.

Она смотрела на него так, будто он был призраком.

— Генри... — голос её дрогнул. — Заходи. Быстро.

Он перешагнул порог и замер. Ева стояла посреди комнаты, и было видно, что она не спала всю ночь. Мешки под глазами стали глубже, взгляд отсутствующий.

— Мне надо тебе рассказать, — сказала она тихо. — Этой ночью мне снился сон. Я видела, что случилось с Николь. Не просто видела... я была там. Я чувствовала её дыхание, её страх. Я знаю, что с ней сделали.

Генри шагнул ближе. Он хотел сказать, что это просто сон, что она переутомилась, что Николь обязательно найдётся. Но он посмотрел на Еву — на её пустые, красные глаза — и понял, что она не врёт. И это пугало его больше всего.

— Что ты видела? — спросил он тихо.

Ева начала рассказывать. Сбивчиво, почти шёпотом. Про забор. Про канаты. Про движение в лесу, про силуэт, который висел, как сломанная кукла. Про то, как Николь схватили и потащили сквозь забор.

Когда она закончила, Генри стоял молча. В горле пересохло. Он хотел сказать: «Этого не может быть», — но вспоминая что он увидел вчера стоя на башне.

— Ты... ты уверена? — спросил он. Голос его дрогнул.

— Да, — сказала Ева. — Я чувствовала это. Я не приду-мала.

Генри помолчал. Он смотрел на неё, и в голове не укладывалось. Но он знал: она не лжёт. Он видел её страх. Он чувствовал его.

— Ладно, — сказал он тихо. — Я тебе верю.

Ева кивнула, но в её взгляде промелькнула тень сомнения.

— Надо проверить, — сказала она. — У башни.

Она уже схватила куртку со стула. Они выскользнули за дверь.

Когда они подошли к башне, утро было серым и влажным. Ева остановилась у забора:

— Вот здесь... я видела это во сне. Оно стояло там.

На месте, где она показывала, не было ничего. Только мокрая земля.

— Там нет следов, — сказал Генри.

— Я знаю.

Она двинулась вдоль забора к тому месту, где металл был погнут. Генри заглянул через ограждение и замер.

Ключки волос запутались в ржавых прутьях. Тёмные пятна на металле. Кровь.

— О боже... — Ева закрыла лицо руками.

Она заплакала. Тихо, беззвучно. Генри стоял рядом, не зная, что делать.

— Ева, — начал он осторожно, — ты можешь описать существо?

— Я не помню, — прошептала она, вытирая слёзы. — Оно было бледным. Лицо расплывалось. Только глаза... и улыбка.

Генри хотел отойти, но вдруг заметил в траве блеск металла.

— Там что-то есть.

Он опустился на корточки, раздвинул мокрые стебли. Пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Он потянул находку на себя.

Старая, потёртая камера. Ремешок порван, на корпусе тёмные пятна.

Генри смотрел на неё, и в голове не укладывалось.

— Это... — он запнулся. — Это та, которую ты видела?

Ева не ответила. Она смотрела на камеру широко раскрытыми глазами, и лицо её стало блее мела. Она сделала шаг назад, будто предмет мог её укусить.

— Генри, — прошептала она, — это не может быть...

— Ты не думаешь, что это совпадение? — спросил он, но

в голосе не было уверенности.

Ева покачала головой:

— Я видела её во сне. Она выпала из его руки, когда он тащил Николь. Я помню ремешок. Это она.

Генри хотел сказать, что это не имеет смысла, что камера не могла лежать здесь четыре года. Но он смотрел на неё — на это доказательство, которое лежало у него в руках, — и слова застревали в горле.

— Нет, — сказал он наконец. — Это не совпадение.

Они переглянулись.

И где-то в глубине леса раздался звук — слабый, едва уловимый. Будто ветка хрустнула под чьей-то ногой.

Они оба замерли, глядя на тёмную стену деревьев. Генри чувствовал, как по спине пробегает холод, хотя ветра не было. Ева сжала его руку.

— Генри... — прошептала она. — Мне кажется, оно смотрит на нас.

Он не ответил. Потому что сам думал о том же.

Глава 3. Корни

Они стояли не двигаясь, чувствуя, как воздух становится тяжёлым и вязким. А потом сквозь туман, со стороны леса, к ним начал приближаться силуэт.

Генри инстинктивно отступил на шаг, заслоняя собой Еву. Он сжал кулаки, готовясь бежать, но когда фигура подошла ближе, он узнал её.

Николь.

Она опиралась на дерево, едва стоя на ногах. Лицо её было бледным, губы потрескались, одежда висела клочьями, а сквозь разорванную ткань виднелись ссадины и царапины — глубокие, багровые, будто её волокли по камням.

— Ребята... это вы... — голос её был хриплым, едва слышимым. — Помогите мне... Я не помню, что случилось... Всё как в страшном сне...

Она сделала шаг вперёд и покачнулась.

— Помогите дойти до дома... мне так плохо...

Ева рванулась к подруге, но Генри перехватил её за руку.

— Стой.

— Генри, что ты делаешь?! — возмутилась Ева, пытаясь вырваться. — Ей нужна помощь!

Николь подхватила:

— Генри... пожалуйста... мне тяжело идти... помоги...

Генри смотрел на неё в упор. Что-то было не так. Слиш-

ком правильно. Слишком вовремя. Она стояла у самого леса, но не переступала невидимую черту, отделяющую деревья от открытого пространства.

— Николь, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — давай иди к нам. Я тебя доведу.

Но Николь не двигалась. Она стояла, вцепившись в ствол, и не делала ни шагу вперёд.

— Николь, подойди, — повторил Генри.

Она не шевелилась.

Ева снова дёрнулась:

— Ты нормальный вообще?! Она еле стоит!

— А ты сама подумай, — Генри не сводил глаз с подружки. — Ты точно уверена, что после такого человек может выжить? Посмотри на неё. Её нет уже сутки. Без воды, без еды. И она стоит. Стоит, Ева. И не идёт к нам.

Он сделал паузу, чувствуя, как холод разливается по спине.

— Мне кажется...

В этот момент Николь рухнула на землю.

— Николь! — Ева вырвалась и бросилась к ней.

Генри замер на месте, сердце колотилось где-то в горле. Он смотрел, как Ева опускается на колени рядом с подружкой, как тянет к ней руку...

И тогда он заметил.

Из-под разорванной штанины Николь торчали корни. Тонкие, коричневые, они тянулись от её ноги прямо в землю,

как пуповина, связывающая её с лесом.

— Ева! — закричал Генри. — Отойди!

Он рванул вперёд, схватил Еву за руку и резко дёрнул назад. Они оба рухнули на землю, Ева вскрикнула от неожиданности. Генри перекатился, заслоняя её собой, и поднял голову.

Николь стояла.

Она стояла, но это уже была не Николь. Её тело начало ломаться — суставы выворачивались в разные стороны, хрустели, разрывали кожу. Кости удлинялись, пальцы вытягивались, превращаясь в тонкие, паучьи конечности. Суставы разорвало, и в некоторых местах кожа ещё держалась, натянутая мостом между частями, но это только делало зрелище ещё более чудовищным.

Голова Николь наклонилась набок, челюсть раскрылась неестественно широко — и оттуда, изнутри, через щёку начали прорываться корни. Они перекашивали её лицо, вылезали из глазниц, из разорванного рта, и теперь она уже не была похожа на человека.

Она была похожа на паука. Длинного, растянутого, сло-манного паука, который стоял на тонких ногах-корнях и смотрел на них пустыми глазницами.

Генри смотрел на это, и всё внутри него кричало. Он хотел закричать, но голос пропал. Хотел закрыть глаза, но не мог отвести взгляда. Он чувствовал, как ноги становятся ватными, как воздух вокруг становится ледяным, что если моргнет

или отвернется это последнее что он сделает .

Из её рта вырвался шёпот. Многоголосый, шипящий, как ветер в сухой листве:

— Вы оставили меня... вы оставили меня...

А потом она закричала.

Это был не крик человека. Это был звук, от которого у Генри заложило уши — низкий, вибрирующий, похожий на рёв ржавого металла. Николь — или то, что было Николь, — рванула к ним.

И только тогда Генри очнулся. Он схватил оцепеневшую Еву за руку и рванул с места. Они бежали, не разбирая дороги, через мокрую траву, через кусты, через грязь. За спиной слышалось шуршание, треск ломающихся веток, и этот ужасный, нечеловеческий звук.

Генри вылетел на открытое пространство и перескочил через невидимую черту — ту самую, где лес кончился и начинался город. Ева упала рядом с ним, задыхаясь.

Он обернулся.

Там, за спиной, уже никого не было. Только деревья, туман и тишина.

Они вернулись домой на ватных ногах, не говоря ни слова. Только когда дверь комнаты Евы закрылась за ними, они выдохнули.

— Генри... что это было? — прошептала Ева. — Что с ней случилось?

— Я не знаю, — ответил он, чувствуя, как дрожат руки.

— Но я знаю, что это была не она.

Он достал камеру.

— Может, она вообще не работает, — сказал он, когда Ева искала зарядку.

Экран засветился. Они начали пролистывать файлы — одни были повреждены, другие забиты помехами. Генри уже хотел выключить камеру, когда Ева остановила его:

— Стой. Вот это.

На экране проступило лицо. Бледное, с ветками, торчащими из щёк. С длинным носом и огромными чёрными глазами, пронизанными алыми сосудами. Широкая улыбка, зашитая грубой нитью. И эти зубы — тонкие, как иглы.

Генри и Ева смотрели на экран, и их сковала дрожь, дата съемки четырех летней давности.

— Кто это снял? — прошептала Ева. — Кто мог подойти так близко?

Генри не ответил. Он просто смотрел на кадр, и в голове билась одна мысль: камера была в лесу четыре года. Четыре года она пролежала там, пока они не нашли её сегодня...

Им казалось, что в каждой щели, за каждым окном кто-то есть. Кто-то из леса, кто-то следит за ними, ждёт, когда они останутся одни. Напряжение нарастало, воздух в комнате стал тягучим и душным.

И вдруг — резкий звук.

Хлопнула входная дверь.

— Дорогая, мы пришли! — раздался голос матери Евы.

Ева и Генри подскочили. Они выбежали из комнаты и столкнулись с женщиной в коридоре, начав говорить наперебой, захлёбываясь словами:

— Мам, там Николь, она пропала, её утащило какое-то существо, мы видели её, она... она была не человеком, у неё корни из ноги, и она...

Мать Евы подняла руку, останавливая поток слов. На её лице было недовольство, смешанное с усталостью. Но когда она перевела взгляд на камеру в руках Евы, она на мгновение замерла. В глазах мелькнуло что-то — страх? Узнавание? — но она быстро взяла себя в руки.

— Хватит, — сказала она, и голос её дрогнул. — Не забывайте, что вы наказаны. Мало того что вы лазили на водонапорную башню. Но чтобы вы ещё и без предупреждения приводили гостей? Ева, я сейчас не в том состоянии, чтобы слушать ваши страшилки. Ты переутомилась. Все вы переутомились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.